

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ: ГЛУБОКАЯ КОЛЕЯ АВТОРИТАРИЗМА И ТРУДНЫЕ ПЕРЕВАЛЫ ВОСХОЖДЕНИЯ К ДЕМОКРАТИИ¹

Н.С. Розов

Институт философии и права

Сибирского отделения РАН,

Новосибирский государственный университет

Относительно перспектив демократии в России наиболее распространены две диаметрально противоположные позиции:

- настоящая демократия в России с ее особой историей — «рабской» или «славной имперской» — невозможна (и не нужна, добавляют стражи державности),

- в России пусть нескоро, пусть трудно, пусть специфично — с возвратами и зигзагами, но осуществится «демократический транзит», поскольку это общая магистральная линия цивилизованного развития.

Противоположные позиции имеют сходную черту, которую можно назвать историческим фатализмом, или автоматической концепцией. России *суждено* либо одно, либо другое. В этой работе будет развернута идея, альтернативная обеим позициям, отвергающая предпосылку фатальности и автоматизма.

В самом общем плане исходную мысль можно сформулировать так. Будущее открыто. Несмотря на могучие факторы циклического возобновления авторитаризма (пресловутой «русской системы» см.: [Пивоваров и Фурсов 1999; Розов 2006; Дубовцев и Розов 2007]), некие, правда, весьма слабые и отдаленные, возможности демократизации России имеются. Они могут быть, а могут и не быть реализованы в зависимости от складывающихся внешних и внутренних *структурных условий*, а также от т.н. *процедурных факторов* — характера поведения и взаимодействия значимых политических акторов (в том числе правящих элит, бизнеса и групп населения [ср.: Мельвиль 1999]).

Пока данная мысль подозрительно сходна с тавтологией («больной либо умрет, либо останется жив»). Содержательной она станет при спецификации структурных и процедурных причин становления демократии, при последующей оценке соответствующих наличных и ожидаемых условий в современной России.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), исследовательский грант № 06–03–00346а.

Вначале договоримся о терминах — будут зафиксированы ключевые критерии, по которым можно судить, насколько демократично то или иное политическое устройство.

Потом очень коротко я постараюсь аргументировать, почему все-таки Россия нуждается в демократии (если в конце 1980-х и начале 1990-х это казалось очевидным, то теперь приходится доказывать, даже в политологическом сообществе).

Далее будет развернута политико-социологическая трактовка сущности демократии, основанная на идее «коллегиально-разделенной власти» (Б.Франклин, Й.Шумпетер, Р.Даль, Р.Коллинз), которая, как мы увидим, существенно отличается от общеизвестной либерально-демократической идеологии.

Выявим принципиальное сходство между демократией и основой социально и экономически эффективных авторитарных режимов, определим недостающий фактор и представим суть демократического транзита.

Будут представлены видимые альтернативные векторы политической динамики и основные развилки, среди которых проходит, в частности, траектория «демократического транзита». Для каждой такой развилки будет намечен гипотетический комплекс условий успешного (демократически-ориентированного) прохождения.

Если специфицированы условия векторов развития, то на сами условия можно воздействовать. В конце статьи кратко представим основные направления деятельности, способствующие формированию оптимальных условий для становления реальной (не имитационной, как сегодня) демократии в России.

Критерии демократии

На основе синтеза классических и современных представлений [Локк 1988; Шумпетер 1995; Даль 2003; Карл и Шмиттер 1993; Гельман 2001; Мизес 2001; Меркель и Круассан 2002 и др.] сформулируем главные критерии, которые позволяют говорить о том, является ли некоторое политическое устройство демократическим и насколько. Стандартные формулы здесь дополнены указанием на более операциональные механизмы специально для отличия реальной демократии от привычной нам имитационной:

1) реальная возможность граждан прямо или через своих представителей принимать законы и сменять исполнительную власть, соответственно, последняя подотчетна перед гражданами и/или перед их избранными представителями; есть реально доступные механизмы смены представителей власти любого уровня гражданами и/или их избранными представителями;

2) наличие публичной политики как равной конкуренции групп, партий, за признание и голоса граждан; передача и перераспределение власти осуществляются путем назначений «сверху» только в заданных временных рамках и границах полномочий; тогда как ключевые властные позиции определяются соответственно уровню общественного доверия — на основе результатов выборов.

3) разделение властей: прежде всего, реальная независимость судов и законодательных органов от исполнительной власти; судей и избранных представителей (депутатов) не могут принуждать или контролировать назначенные государственные служащие (чиновники);

4) фиксация и реальное осуществление формальных правил равноправного политического взаимодействия и ротации власти; данная система правил, с одной стороны, открыта для участия (не позволяет исключить из политической борьбы неугодных), с другой стороны, дает равные возможности сторонам (не позволяет никому получить заведомые преимущества, например, с помощью административного ресурса, принуждения и проч.);

5) обеспечение политических и гражданских прав и свобод; наличие реальных механизмов, позволяющих гражданам, их избранным представителям и независимым судам привлекать к ответственности любых представителей власти, ущемляющих эти права и свободы, либо не обеспечивающих должной их защиты.

Остроумный критерий по А.Пшеворскому «демократия — это такое политическое устройство, в котором правящая партия может проиграть выборы» [Пшеворский 2000] следует расценивать как вполне операциональный диагностический признак.

Нужна ли демократия вообще?

Недостатки демократического устройства хорошо известны: дороговизна, неповоротливость, склонность к бюрократизации, издержки ротации власти, неизбежная сращенность партийной политики с большими деньгами (как следствие необходимого финансирования предвыборных кампаний), всегда наибольший выигрыш буржуазного класса, соскальзывание к делегативности и полной политической пассивности большинства населения и т.д.

Вместе с тем, есть несколько доводов, перевешивающих эти пороки демократии и подкрепляющих знаменитый афоризм Черчилля о том, что остальные режимы «еще хуже». Несмотря на множественность альтернатив (традиционные патримонии, разные типы монархий, деспотии, тоталитаризм, военные диктатуры и проч.) в недемократических устройствах есть общие черты, которые удобно обозначить как авторитаризм (в широком смысле) и содержательно представить через отрицание всех пяти критериев демократии:

- у граждан нет возможностей влиять на законы и легитимно (без восстаний и насилия) менять исполнительную власть;
- публичная политика как конкуренция групп и партий, апеллирующих к обществу, отсутствует, либо деформирована и сугубо декоративна;
- нет разделения властей, причем, обычно исполнительная власть либо слита с законодательной и судебной, либо подчиняет их; избранных представителей либо вовсе нет во власти, либо их могут принуждать и контролировать чиновники;
- нет формальных правил регулярной ротации власти, либо (при наличии таковых в имитационных демократиях) смена власти происходит запрограммировано благодаря манипулированию правилами правящей группой в свою пользу и/или совсем по другим — закулисным, неформальным сговорам;
- наконец, нет надежного обеспечения прав и свобод граждан, которые наиболее беззащитны перед властью; суды не способны их защитить, либо сами являются орудиями исполнительной власти по подавлению прав и свобод.

Главный довод в пользу демократии носит политический характер: демократия — это противоядие от соскальзывания политической системы к либо диктатуре и государственному насилию, либо к хаосу и анархическому насилию. Следует отметить связь афоризма Черчилля с весьма глубокой и нетривиальной мыслью либеральной политической философии: *дело политики — не привести людей к раю, но не допустить ада*. Демократию справедливо критикуют за то, что она никак не приводит к «раю» и отнюдь не гарантирует его установления. Зато она препятствует узурпации власти, стагнации системы и ее кризисным обвалам, за которыми как раз и следует социальный «ад» — массовое насилие, вначале анархическое («революционное»), а затем проводимое новыми узурпаторами.

Второй довод носит системный характер. Демократия обеспечивает наиболее эффективную обратную связь власти с интересами разных групп граждан. Людвиг фон Мизес выражает эту мысль так: «демократия — это такая форма политического устройства, которая позволяет приспособлять правительство к желаниям управляемых без насильственной борьбы» [Мизес 2001]. В авторитарных обществах функция обратной связи либо подавлена, либо реализуется в крайне устаревших и неэффективных формах жалоб, наращивания вертикального контроля, раздувания отчетности и учащения бюрократических проверок: вертикальный договор имманентно неустойчив [Аузан 2004].

Третий довод — демократия как фактор экономической эффективности [Lipset 1959; Липсет, Торрес 1993] — следует признать довольно слабым и неочевидным. Традиционно демократические страны (США с Канадой, Западная Европа, Австралия с Новой Зеландией) действительно весьма

эффективны в экономике. Однако есть случаи как политико-экономических провалов демократий (драматическая история французских республик, Временное Правительство в России, Веймарская республика в Германии и др.), так и экономически эффективного авторитаризма. Данный сюжет весьма значим, и ниже мы вернемся к анализу особенностей и причин этих явлений.

Четвертый довод, насколько мне известно, не имеет надежного эмпирического подтверждения, но теоретически вполне обоснован. Демократии более оперативно и эффективно отвечают на новые вызовы, а поскольку в современную эпоху такие вызовы становятся все более частыми и требовательными, демократическое устройство становится не только морально-политическим, но эволюционным императивом.

Способность демократий отвечать на сложные современные вызовы обусловлена, прежде всего, наличием публичной политики, соответственно, представленностью в общественном сознании разнообразия позиций, идей, дискуссий относительно вызовов, угроз и возможностей, оценок решений и стратегий, а также наличием механизмов воплощения победивших в полемике идей и стратегий в реальной политике, легитимными сменами власти при неудачах [ср. Гайдар 2006].

Все это не компенсируется закрытыми бюрократическими способами выявления и решения проблем, характерными для авторитарных режимов (если эти способы вообще не вырождаются только в деятельность спецслужб, борющихся с любыми критиками власти и системы).

Неспособность Японии (демократия которой является во многом имитационной) выйти из затяжной стагнации, пусть и на высоком уровне развития, подтверждает данный тезис. Успехи роста и развития таких стран с авторитарными режимами, как Китай, Сингапур, Объединенные Арабские Эмираты, Казахстан, противоречат тезису. Если эти успехи роста продлятся при переходе к постиндустриальному обществу, даже при неблагоприятной конъюнктуре и преодолеют разнообразные угрозы и вызовы нового типа, то нужно будет корректировать тезис, искать в успешных режимах особые структуры и механизмы, заменяющие демократическую открытость и гибкость.

Причины успеха авторитарных режимов в экономическом развитии

Тим Бесли и Масаюки Кудаматсу из Лондонской школы экономики систематически изучили соответствующие случаи и предложили концепцию успешного авторитаризма [Besley, Kudamatsu 2007]. В качестве успеха учитывался экономический рост, развитие образования, количество публичных благ, предоставляемых авторитарным правительством, в том числе автократией.

Наиболее успешными оказались следующие случаи: Южная Корея (1963-1972), Греция (1949-1967), Пакистан (1962-1969), Малайзия (1971-1995),

Турция (1954-1960), Франция (1958-1969), Камбоджа (1998-2004), Бразилия (1947-1958), Шри Ланка (1982-2001), Таиланд (1978-1988), Китай после 1979.

В основу Бесли и Кудамацу положили концепцию *селектората*, под которым Брюс Буэно де Мескита понимал группу людей (или даже целые социальные слои), которые не находятся у власти непосредственно, но определяют, кому именно у нее находиться [Bueno de Mesquita et al. 2003.]. Вывод Бесли и Кудамацу в упрощенном виде таков: авторитарные системы (в том числе, автократии) успешны только в тех случаях, когда имеется сильный селекторат — который трудно или невозможно репрессировать или подкупить.

Фактически, селекторат — это некие центры силы, держатели важнейших ресурсов, как правило, семьи, кланы, финансово-промышленные группы, авторитетные группировки со специфическим потенциалом (например, генералы или церковные иерархи), которые способны в какой-то мере дисциплинировать власть, даже если извне власть предстает как «чистая» автократия или диктатура.

Другой важный момент [Дмитриев 2007] — кардинальное различие в эффективности авторитарных режимов для экономического роста на стадии догоняющего, индустриального развития (нередко весьма высокая: Япония до начала 1990-х гг., Юго-Восточные «тигры», современный Китай) и на стадии инновационного, постиндустриального развития (неизменно низкая, о чем, в частности, свидетельствует стагнация, неспособность справиться с вызовами современной Японии).

Эти общие выводы имеют прямое отношение к современной России. Дело в том, что нарождавшийся в 1990-х гг. селекторат, пусть даже в малопрезентабельной форме олигархической «семибанкирщины», если не уничтожен, то деморализован и подавлен в 2000-х, на что, собственно, и направлена была, главным образом, расправа над ЮКОСом. Результаты относительно причин отдельных успехов авторитарных режимов приводят к следующим соображениям.

Во-первых, надежды на эффективность централизованной «вертикали власти» в аспекте социально-экономического развития, если в какой-то мере и оправданы, то только на стадиях и в отраслях догоняющего, индустриального развития. Этот потенциал будет исчерпан в основном уже к 2012-15 гг. [Дмитриев 2007]. Далее несоответствие политической системы требованиям инновационного развития будет быстро нарастать.

Во-вторых, при отсутствии сильного, самостоятельного селектората, способного дисциплинировать авторитарную власть, последняя будет продолжать разлагаться, что станет очевидным при первом же иссякании золотого нефтедолларового дождя. В российской истории глубоко укоренена практика «опалы» и размашистых властных переделов: вспомним судьбы боярских родов при Иване Грозном, Меншикова, Голицыных, а в недавней истории — Гусинского, Березовского и Ходорковского. Такие переделы при

смене верховной власти получают неизменное массовое одобрение со стороны лишенного собственности населения. Данный фактор не позволяет рассчитывать на восстановление самостоятельного селектората в обозримом будущем. Проще говоря, авторитарный путь к развитию и процветанию для России закрыт. Попытки авторитарного режима сохранить «стабильность» закономерно приведут к стагнации, кризису и последующей традиционной для российской истории «болезненной цикличности» [Розов 2006].

В-третьих, как бы ни были слабы и эфемерны надежды на становление реальной (не имитационной) демократии в России, только в этом длинном туннеле брезжит свет здорового полноценного развития.

Какова социальная сущность демократического устройства?

Говоря о социальной сущности какого-либо режима, в том числе демократии, следует быть особенно внимательным, чтобы не соскользнуть к хвалебному идеологическому самоописанию этого режима. О демократии со времен Токвиля написаны горы томов, увы, большей частью напищенные идеологией. При этом, благодаря наиболее глубоким и проницательным умам, социальная сущность демократии все-таки прояснилась.

Первый ключ дает парадоксальная формула Бенджамена Франклина: «Демократия — это правила поведения, о которых договорились между собой хорошо вооруженные джентльмены» (выражаю благодарность А.А.Аузану за указание на этот афоризм). Здесь есть три явных компонента сущности демократии и два латентных.

Первое — центрированность *на правилах как результате договоренностей* (ничего о народном благе, о счастье для каждого, о высших ценностях и идеалах, о справедливости, об естественных правах, о лучших представителях нации и т.п.).

Второе — указание на равенство, хотя бы примерное, договаривающихся о правилах сторон. Иными словами, договор имеет совершенно четко *горизонтальный* характер.

Третье — обеспеченность договаривающихся сторон собственной *силой* («хорошо вооружены»), с которой считаются, но которую не пускают в ход, предпочитая этому договоры и поведение по правилам.

Четвертый (латентный) признак — наличие у джентльменов собственности и признание ими прав собственности вообще как гарантии сохранения своей собственности.

Пятое, также латентное, качество заключено в подразумеваемых морально-политических качествах «джентльменов». Чтобы почувствовать их значимость, следует подставить в формулу Франклина любых антиподов джентльменства, например, люмпенов, холопов, жуликов, шпану.

Гони нравственные и политические ценности в дверь, они влетят в окно. Очистить социальную сущность от нормативных, соответственно, в той или иной мере идеологических, качеств не удалось. Именно в джентльменстве оказались укрыты следующие явно позитивные характеристики договаривающихся сторон:

- джентльмен уважает честную игру на равных и выполняет условия договора (отсюда «джентльменское соглашение»);
- джентльмен уважает другого джентльмена, не будет мстить ему, унижать и уничтожать его, отбирать у него собственность, даже когда выиграл;
- джентльмен не теряет свое лицо, для него важна публичность, поэтому он преследует не только и не столько личные эгоистические интересы, но и интересы сообщества, по меньшей мере, сообщества других джентльменов;
- настоящий джентльмен — всегда патриот своей страны, уважающий ее граждан и дорожащий их уважением, джентльмен хочет жить в сообществе других джентльменов, которые признают его достоинство и с которыми можно надежно договариваться, поэтому патриотизм для него — это еще и разумный эгоизм.

Созданный здесь идеалтипический образ джентльмена настолько возвышен и светел, насколько, вероятно, далек от исторической реальности Великобритании и Америки эпохи Франклина, не говоря уж о других частях света, других эпохах и традициях.

При обсуждении вопросов демократического транзита одной из самых безнадежных позиций представляется морализаторство: «вначале совершенствуйтесь нравственно (например, станьте цивилизованными джентльменами), а только потом можете надеяться на демократизацию». Более продуктивным является социологический подход, согласно которому сами нравственные, например, «джентльменские», качества являются продуктами определенных социальных структур и практик. Поэтому, не забывая о зафиксированных выше джентльменских добродетелях договаривающихся сторон, обратимся к более поздним трактовкам сущности демократии.

Йозеф Шумпетер указывал, что характерной чертой демократического правления является не отсутствие, а наличие элит, конкурирующих между собой в борьбе за голоса избирателей [Шумпетер 1995]. Несложно видеть, что здесь шумпетеровские «конкурирующие элиты» играют ту же роль, что франклиновские «джентльмены».

Роберт Даль считал, что демократия в своей основе имеет полиархию — соревнование, открытое для участия. Фактически, здесь имеется виду политическая конкуренция, соревнование между центрами силы [Даль 2003].

Рэндалл Коллинз развивает идеи Шумпетера об элитах и Далья о полиархии, когда говорит о том, что сущность демократии — это коллегиально разделенная власть [Collins 1999, P.114].

Коллегиально разделенная власть (далее КРВ) — это не коллегиальный орган власти (типа Политбюро ЦК КПСС, Правительства РФ или Администрации Президента), а взаимосвязь нескольких взаимоограничивающих властных органов, каждый из которых осуществляет определенный набор функций (например, судопроизводство или законодательство) и может представлять те или иные заинтересованные в политике силы (влиятельный слой, большую группу населения, часть страны, всех избирателей и т.п.).

Коллинз поясняет понятие уровня КРВ через воображаемый континуум. На его нижнем полюсе — централизованная иерархия подчинения во главе с автократом (ну не знал Коллинз термина «вертикаль власти»!). По мере повышения уровня КРВ растет число коллегиальных структур и растет их доля власти в сравнении с властью центральной иерархии (очевидно, неустранимой даже в федеративном государстве).

Что же за социальная структура стоит за формальным политическим разделением властей? Это ни что иное, как *селекторат* — коалиция центров силы, о котором говорили Буэно де Мескита, Бесли и Кудамацу. Иными словами, тот самый селекторат («элиты»), который в некоторые, правда довольно краткие, периоды обеспечивает эффективность авторитаризма для социального и экономического развития, *при некоторой добавке* может дать импульс к демократическому транзиту. Что же это за добавка?

Демократический транзит — следствие одной из стратегий центров силы

Будем исходить из известного тезиса о том, что демократия есть «случайный итог» [Przeworski A. 1988] или «побочный продукт» политической борьбы [Rustow 1970; Weingast 1997; Collins 1999; Гельман 2007], точнее, стратегий борьбы между центрами силы в исторически сложившейся ситуации полиархии.

Рассмотрим в общем плане базовые интересы и главные стратегии центров силы, обладающих примерно равными политическими ресурсами (богатством, легитимностью, организационными структурами, средствами насилия). Прежде всего, значимо сохранение имеющихся ресурсов, а также создание такого политического устройства, которое минимизирует риск потери ресурсов и позволит их увеличивать.

На первый взгляд, лучшая стратегия — победить и подавить остальные центры силы, захватить верховную власть, лишить всех возможных соперников их ресурсов и жить припеваючи. С подобными мотивами совершаются обычно путчи, заговоры и перевороты. Такова *узурпаторская стратегия* («победитель получает все» ср. [Гельман 2007]). Получившиеся режимы редко бывают долговременными и практически никогда — социально и экономически

эффективными, поскольку селекторат уничтожен (см. выше результаты Бесли и Кудамацу).

Следующая более мягкая стратегия может быть названа *коалиционно-авторитарной*. Центры силы договариваются между собой о правилах и ограничениях в борьбе, прежде всего, это касается запрета на политические репрессии и на отъем собственности (ср. «демократия элит», «пакты», «картельные соглашения» [Гельман 2007]). Также делаются усилия по формальному или негласному ограничению власти верховных правителей. Поскольку такая коалиция центров силы заинтересована в стабильности положения в стране, она использует разного рода рычаги для «дисциплинирования» верховных правителей, например, ограничивая налоговые тяготы или даже принуждая к прогрессивным экономическим новациям. Именно такая ситуация сильного и национально-ориентированного селектората, согласно Бесли и Кудамацу, служит объяснением случаев экономически успешного авторитаризма, но и то только в период индустриализации.

Порок такого, даже мягкого и временами эффективного, авторитаризма — неустойчивое равновесие, систематические кризисы при смене правителей, недостаточность преград для узурпации власти, непреодолимые стимулы элит к эксплуатации масс, что рано или поздно ведет к социальным взрывам [Гайдар 2006]. Для самих центров силы основным дефектом такого устройства оказывается фактор огромной трудности (часто, невозможности) сохранить коалицию при смене поколений, сохранить достигнутые соглашения и ограничения, когда их авторитетные создатели уходят в лучший мир.

Уже в рамках авторитаризма был найден магистральный цивилизационный путь смягчения встрясок при смене власти. Эту роль играет формальное, писаное право, своды законов (кодексы). Обычно, ядром таких кодексов были нормы — кого и за что следует лишать свободы, подвергать наказаниям, лишать собственности или казнить. Соответственно, лица, в том числе представители центров силы, не нарушающие законы, могли апеллировать к кодексу, когда подвергались притеснениям, репрессиям, например, по мотивам политической борьбы.

Опять же в рамках авторитаризма, даже самые совершенные и уважаемые кодексы не давали надежных гарантий от политических пертурбаций. Верховная власть при авторитарной системе всегда способна либо воздействовать на судей, либо поставить новых, либо поменять к своей выгоде сам свод законов.

Как говорилось выше, для России путь авторитаризма особенно бесперспективен вследствие укоренившейся практики радикальных переделов при смене верховной власти. Посредством этих переделов и репрессий «русская власть» как раз и уничтожает нарождающийся селекторат, что бы ничем и

никому не быть обязанной, никем и ничем не быть ограниченной [Пивоваров, Фурсов 1999; Дубовцев, Розов 2007].

Здесь мы приходим к пониманию той необходимой и достаточной добавки, которая обращает политическое поведение центров силы (селектората) к движению в сторону демократии. Назовем следующую стратегию центров силы *конституционалистской*.

Как центрам силы оградить себя от произвола верховной власти в отношении законов и судей? Через *разделение властей*, прежде всего, утверждение независимости законодательных органов и судов от исполнительной власти.

Как центрам силы сохранить важные коалиционные соглашения, ограничения верховной власти, свою способность влиять на нее, сменять ее при смене поколений? Через распространение формальных сводов законов, определяющих политическое устройство, через жесткие писанные *правила регулярной ротации власти* (ср. «борьба по правилам» [Гельман 2007]).

Поскольку каждый центр силы стремится получить максимальный контроль над государственным аппаратом (в исполнительной, законодательной и судебной ветвях), — к кому апеллировать как верховному арбитру? Исторически ответами на этот вопрос были «воля богов» (жеребьевка, обращение к оракулам, жрецам, церковным авторитетам), поочередная ротация, а также выборы на узких закрытых заседаниях представителей и лидеров тех самых центров силы (дожей, бояр, родовитых аристократов, крупнейших землевладельцев, военачальников, позже — банкиров и промышленников). К демократии приводит только обращение к обществу, гражданам как верховному арбитру, соответственно, появление *публичной политики как состязания* политиков, групп, партий за доверие граждан. При этом заключается т.н. «хороший пакт» (правила гласны, формальны и открыты для новых участников) в отличие от «плохого пакта» (правила неформально устанавливаются тайным сговором, доступ аутсайдерам закрыт [Гельман 2007]).

При этом центры силы начинают взвешивать вес и влияние друг друга уже не родовитостью, не количеством земли, крепостных душ, капиталов, не «калибром кольта», а общественным признанием. Отсюда — значимость *выборов и голосования, через которые это признание измеряется и трактуется как уровень легитимности избранных*.

Чтобы получить признание граждан надо что-то им обещать, а чтобы потом не потерять признание, нужно хоть в какой-то мере выполнять обещанное. В том числе прислушиваться к общественным движениям и инициативам разного рода, делать им уступки, использовать их поддержку в собственной политической борьбе и т.д. Отсюда и «нечаянная радость» — позитивный побочный эффект демократии: развитие защиты прав, свобод, собственности граждан, принципов равенства и т.д.

Крайне важно, что взаимный контроль центров силы принуждает к *честной игре*. Честность выборов поддерживается заинтересованностью основных политических игроков (прежде всего, партий) в контроле над тем, чтобы никто не получил излишнего (незаконного) уровня легитимности. Разумеется, роль свободной прессы, общественного мнения, политической культуры также велика, но именно эффект взаимоконтроля участников селектората, а также органов и акторов КРВ представляется структурно главенствующим.

Наконец, для контроля честной игры необходимы формальные правила, причем нарушение этих правил любым политическим игроком ведет к «потере лица» и делегитимации. Отсюда другой полезный побочный эффект: повышается уровень политической нравственности — «джентльменства», суть которого в том, что честные политики как джентльмены выполняют формальные правила, договоры и принятые обязательства.

Таким образом, сущность демократического транзита представляется двухчастной (а сам переход, вероятно, двухэтапным). Прежде всего, должна появиться *устойчивая коалиция центров силы* («селекторат»). Далее эти центры силы по каким-то причинам должны выбрать *конституалистскую стратегию*, включающую те или иные формы: 1) разделения властей, 2) регулярной ротации власти и 3) публичной политики как открытого состязания за признание (голоса) граждан.

Узкая тропинка демократизации — основные развилки

Несложно показать, насколько далека сегодняшняя Россия от реальной демократии (см. пять критериев в начале статьи), более того, насколько далеки ее условия от благоприятных для демократизации, соответственно, насколько малы (чтобы не сказать, ничтожны) шансы демократического развития.

Зададимся задачей более сложной и более конструктивной. Определим априорно, какая последовательность существенных структурных изменений могла бы привести к демократии, выделим в этой последовательности главные развилки (точки бифуркации).

Пользуясь формализацией Р.Даля [Даль 2003], развернем его бинарные переменные «нет участия/есть участие» и «нет конкуренции/есть конкуренция» в более дробные шкалы «масштаб участия» и «качество конкуренции» (рис.1). В этом параметрическом пространстве удобно отобразить первые три развилки.

Тот же путь можно представить как единственную траекторию, проходящую через разветвляющийся лабиринт комнат, причем, попав в каждую комнату, можно пройти дальше, только выбрав одну из двух дверей (развилка). Настоящая (не имитационная) и устойчивая демократия устанавливается лишь при «позитивном» выборе пути в каждой комнате.

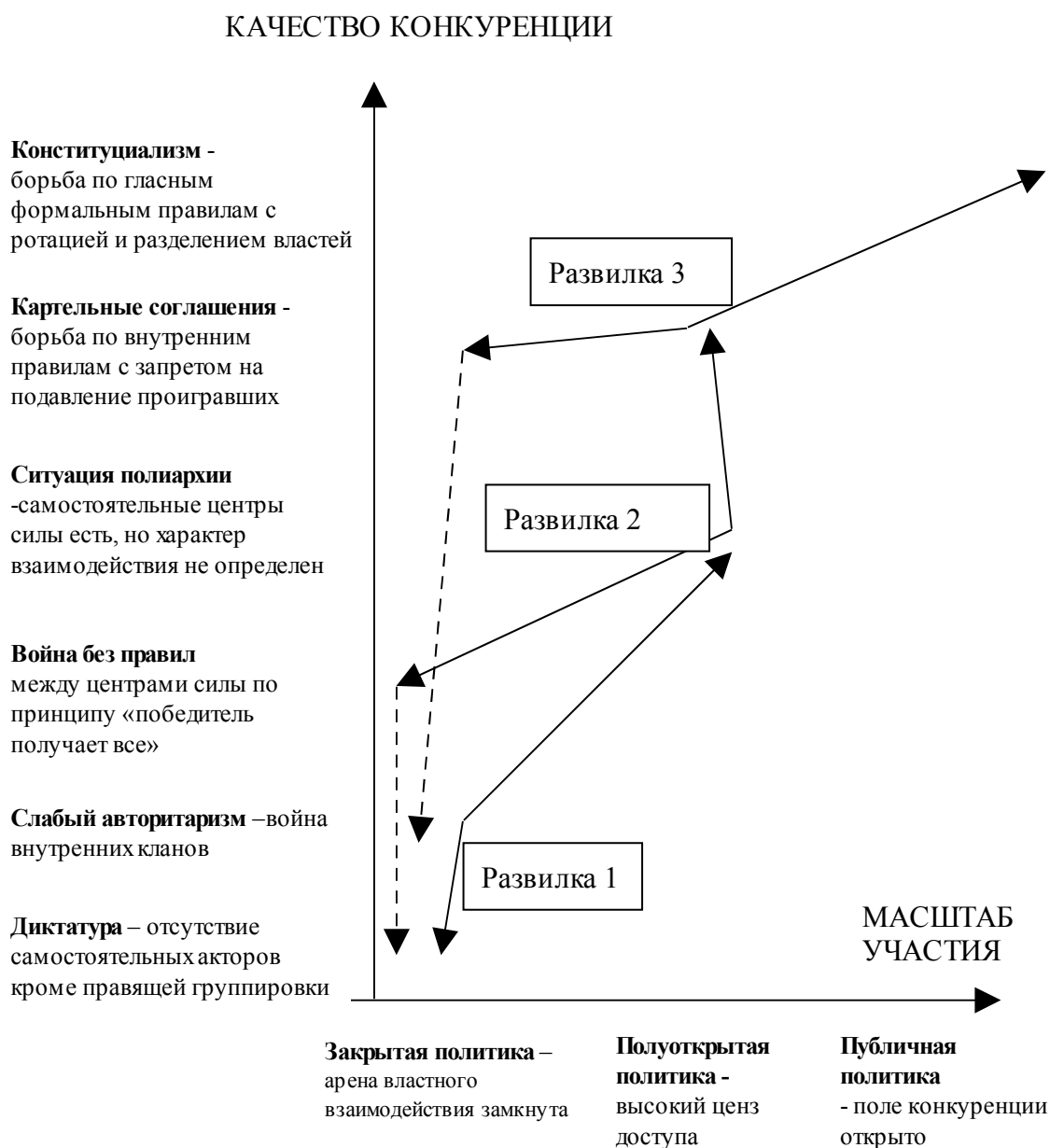

Рис. 1. Первые три развилки становления реальной демократии в параметрическом пространстве «масштаба участия» и «качества конкуренции». Пунктирные линии показывают наиболее вероятные исходы «негативных» альтернатив: к диктатуре вследствие борьбы по принципу «победитель получает все» и к слабому авторитаризму в результате сговоров – закрытых картельных соглашений.

Первая комната обозначается как системный кризис. Без такого кризиса не просматриваются факторы существенных изменений политического режима в современной России (оппозиция практически отсутствует, население политически пассивно и в своем большинстве лояльно авторитарной власти, даже при будущем недовольстве скорее следует ожидать не требований демократизации, а поклонения новым популистским лидерам и лозунгам). О том, что страна будет

неминуемо «втянута» в кризис (в первую «комнату» с развилкой) пишут многие аналитики [Яковенко 2002; Аузан 2004; Белоусов 2005; Делягин 2005 и др.].

Далее, шанс России на становление реальной (не имитационной) демократии определяется успешным прохождением следующих развилок.

- Развилка 1 «*Следствия кризиса: новый захват власти или полиархия*». Политический итог надвигающегося системного кризиса и деструкции нынешнего режима — захват полноты власти новой авторитарной группировкой *либо* появление автономных акторов — центров силы со сравнимыми ресурсами. Заметим, что появившаяся полиархия изначально не является «закрытым клубом». Центрами силы становятся те, кто по факту обладает достаточной организационной, финансовой, силовой мощью и популярностью. Поэтому появление полиархии — это непременно сдвиг по шкале масштаба участия к ступени «высокий ценз силы и ресурсов» (рис.1). Вопрос, требующий специального обсуждения — каковы возможные и наиболее вероятные претенденты на роль таких центров силы? Партии? Гражданские структуры? Общественные движения типа «солдатских матерей», «автомобилистов», «владельцев садовых участков»? Противостоящие друг другу «силовики»? Финансово-промышленные группы? Крупные государственные корпорации? Союзы губернаторов? Бизнес-сообщества разного уровня? Будущие независимые профсоюзы? Составные коалиции этих акторов? Список открыт.
- Развилка 2 «*Характер борьбы за власть: война или состязание*». Новые центры силы ведут борьбу на уничтожение («победитель получает все») *либо* заключают взаимоприемлемые договоренности об ограничении переделов и о сохранении проигравших на политической арене. Здесь *либо* резко сокращается состав акторов и падает качество конкуренции (такая борьба чревата установлением диктатуры), *либо* сохраняется основной состав акторов, сохраняется масштаб участия и повышается качество конкуренции (рис.1).
- Развилка 3 «*Характер состязания: сговор или публичная политика*». В политической борьбе получает преобладание ставка на создание закрытых клик, на силовые, закулисные, бюрократические действия *либо* публичная политика как честная игра по формальным правилам, где выборы не predeterminedены и на основе их результатов происходят реальные ротации и перераспределения власти. Здесь *либо* состав акторов («клуб игроков») замыкается, соответственно, снижается масштаб участия (новичков не допускают), с вероятным последующим соскальзыванием к слабому авторитаризму, *либо*, напротив, политическое поле открывается для новых игроков, арбитром становится общество, что напрямую связано с гласными формальными правилами, принципами ротации власти и разделения властей (рис.1).

- Развилка 4 «*Результат публичной политики: успех или неуспех демократически избранной власти*». Новая пришедшая демократическим путем к власти группировка будет неэффективной, действующей в условиях неблагоприятной внешней конъюнктуры, что приведет к делегитимации самих демократических правил, откату к авторитаризму, *либо* будет эффективной и успешной при относительно благоприятной конъюнктуре.
- Развилка 5 «*Следствия успеха: получившая признание власть сохраняет себя или сохраняет правила ротации*». Новая успешная, получившая общественное признание власть закрепит свою монополию, подавляя оппозицию, снижая и отменяя значимость публичной политики как честной игры, *либо* сохранит эти правила и пойдет на новые выборы с реальной готовностью их проиграть.

Условия выбора позитивных альтернатив

Далее будут намечены гипотетические общие условия позитивного — ведущего к установлению реальной устойчивой демократии — выбора для первых трех развилок (большая удача, если наши дети и внуки столкнутся с проблемами успешного прохождения четвертой и пятой развилки).

Сами эти гипотезы об условиях можно проверять и корректировать на материале политической истории и сравнительной политики. Если же эти гипотезы принять (проверив *либо* поверив), то они будут служить для уяснения *требований к условиям выбора позитивных альтернатив*, соответственно, для формулирования «повестки дня» — направления практических усилий демократически ориентированных групп.

Первая развилка. 1А) Структурные условия, способствующие становлению *полиархии* как политического итога системного кризиса.

- низкий уровень насилия в период кризиса (при высоком уровне насилия борьба шла бы по инерции «до победного конца»);
- опыт сохранения основных позиций и ресурсов у проигравших — что обуславливает снижение страха проигрыша у остальных;
- дискредитация надежд среди элит и населения на «сильную руку» и централизацию власти;
- распределение силовых ресурсов по нескольким центрам — патовая ситуация, при которой никто не способен подавить остальных [Collins 1999].

1В) Процедурные факторы — требуемые нормы, которые должен включать договор между центрами силы:

- минимизация насилия; мирное коллегиальное разрешение споров и конфликтов;
- защита собственности, отказ от неправовых переделов и экспроприации ресурсов;

- совместное противостояние попыткам монополизации власти любым игроком (центром силы); запрет на проекты политического устройства, чреватые такой монополизацией и подавлением остальных участников коалиции.

Вторая развилка. 2А) Структурные условия, способствующие становлению характера борьбы за власть между центрами силы как состязания, «борьбы по правилам», а не «войны» по принципу «победитель получает все»:

- опасности и издержки попыток подавления конкурентов существенно выше, чем издержки вынужденного сотрудничества с ними [Гельман 2007];
- высокая неопределенность в распределении сил и ресурсов, в возможности создания доминирующих коалиций; чтобы обезопасить себя от проигрыша акторы более склонны к борьбе по правилам, чем к войне без правил [Пшеворский 1999; Рыженков 2006];
- накопление опыта, практик, способностей к горизонтальным переговорам, политическому «торгу»;
- успешный опыт совместного обеспечения внутреннего порядка центрами силы (преодоление «комплекса Рюрика» — «Приди и правь нами», «Барин приедет — барин рассудит»);
- умеренное внешнее давление (геополитическое или геоэкономическое), достаточное для сплочения центров силы, но не настолько большое, чтобы разрушить коалицию [Collins 1999];
- успешный совместный опыт противостояния внешнему давлению, легитимирующий коалицию центров силы, но не триумф, который привел бы к сосредоточению легитимности и власти только одним центром силы, персонифицированном лидером, которому приписана победа [Collins 1999];
- наличие политического влияния масс собственников, нашедших для себя наличие коалиции центров силы более безопасным и перспективным, чем захват и полная централизация власти одним из центров силы.

2В) Процедурные факторы — требуемые нормы, которые должен включать договор между центрами силы:

- общий отказ от применения силовых методов и правоохранительных органов в политической борьбе, вероятно, как следствие яркой дискредитации такой практики;
- общее согласие в том, что проигравший не выбывает из дальнейшей политической борьбы; запрет на притеснение проигравших;
- общая поддержка центрами силы установления системы независимых судов; запрет на давление на суды, подкрепленный взаимным контролем

центров силы (движение к разделению властей — *первая часть конституционалистской стратегии*).

Третья развилка. 3А) Структурные условия, способствующие переходу к публичной политике как честной игре по формальным правилам, где выборы не predetermined, а на основе их результатов происходят реальные ротации и перераспределения власти:

- дискредитация закрытых сговоров среди самих центров силы, осознание недостаточной легитимности и надежности полученной таким образом власти, особенно, если для проведения реформ понадобится апелляция к внешним группам;
- дискредитация несменяемой власти среди центров силы в пользу регулярной ротации; резон: захватившая бессменную власть группа всегда будет склонна укреплять себя и ослаблять выдвинувшие ее центры силы (вплоть до подавления и уничтожения), тогда как при обязательной ротации центры силы способны сохранить свое влияние;
- дискредитация подчиненного верховной власти законодательства; резон: никакой группе, получившей верховную власть, нельзя позволять менять законы, поскольку слишком велик соблазн деформировать правовую систему только в свою пользу;
- высокие издержки взаимного контроля и опасности «подковерной борьбы» и между центрами силы (чтобы никто не забрал слишком много могущества и влияния) в сочетании с наглядными примерами более низких издержек при распределении власти согласно открытым формальным правилам;
- существенное давление со стороны общества, прежде всего, представителей бизнеса, интеллектуальной элиты, масс-медиа, отказывающихся в легитимности любой власти по сговору и требующих открытых дискуссий и честных выборов;
- наличие в самих центрах силы лидеров с высоким потенциалом и амбициями относительно выигрыша в публичной политике.

3В) Процедурные факторы — требуемые нормы, которые должен включать договор между центрами силы:

- согласие относительно самостоятельности и независимости от верховной власти законодательного органа (парламента);
- обязательная регулярная ротация власти (запрет на продление сроков и прочие уловки) — *вторая часть конституционалистской стратегии*;
- согласие относительно того, что власть реально передается и перераспределяется в зависимости от результатов выборов, а не по закрытому сговору — *третья часть конституционалистской стратегии*;

- запрет на использование административного ресурса; защита свободной прессы и независимых судов как стражей справедливой предвыборной борьбы — честной игры.

Самый главный договор, относящийся уже к политической культуре: *договоры заключаются, чтобы их выполнять, а не чтобы искать лазейки для обмана.*

Тема политической культуры населения современной России выводит на более общие и весьма тяжелые вопросы о качестве наличного «человеческого капитала», о доминирующих социальных типах и политических установках нынешних поколений.

Для их характеристики социологи используют такие атрибуты как «пассивность», «атомизированность — неспособность к самоорганизации и договорам», «двоемыслие», «лукавый раб», «потребительская направленность», «безответственность», «завистливость», «агрессивность», «истерические вспышки при быстрой утомляемости», «неспособность к упорной целенаправленной деятельности при отсутствии принуждения», «приспособление через снижение требований к себе и окружению», «цинизм — отсутствие действенных идеалов» в сочетании со склонностью к «блефу», «имперской гордыне» и ксенофобии и т.д. [Гудков 2004; Левада 2006; Дубин 2008 и др]. Даже если здесь краски сгущены, учет особенностей массового «постсоветского человека», какая-то работа (кем, собственно, проводимая?) по преодолению его слабостей представляются необходимыми для любой серьезной социально-политической стратегии.

Положение усугубляется несимметричностью альтернатив в каждой развилке. Каждый «негативный» выход (к восстановлению авторитаризма) прост, привычен, не требует особых усилий и затрат — это соскальзывание в традиционную историческую «колею» (см.рис.1). Напротив, каждый «позитивный» выход (к становлению реальной демократии) сложен, непривычен, требует значительных нравственных, интеллектуальных, волевых, организационных усилий, возможно, отказа от материальных выгод, фактически — это каждый раз некий высокий барьер, точнее, горный перевал, требующий слаженной, напряженной работы, причем, в связке.

Повестка дня для демократически ориентированных политических сил и общественности

Формирование коалиций и налаживание коммуникации. Ни одиночки, ни уличные толпы не способны конструктивно и эффективно влиять на политическую жизнь. Ставка должна делаться на группы, сети и коалиции. Фокус кристаллизации таких групп и коалиций, в общем, известен — это пересечение интересов, проблемы и вызовы, открывающиеся возможности для кооперации. Важную работу по «инвентаризации» разнообразных

общественных интересов и возможных коалиций начали экономисты, объединившиеся в группу СИГМА [Коалиции для будущего 2007]. Пока теоретические осмысление далеко ушло вперед по отношению к практической реализации. Причина тому — не только пресловутая пассивность и неспособность к самоорганизации постсоветских людей, но и жесткое противодействие любой самоорганизации вне контроля со стороны «вертикали» со стороны центральной и местных властей. Данный тормозящий фактор, вероятно, будет ослаблен только при нарастании кризисных явлений, когда для власти станет очевидной необходимость поддержки со стороны не аморфной «телевизионной массы», а самостоятельных и сильных общественных структур.

Реабилитация в общественном сознании политики и демократии — такой видится главная направленность требуемой просветительской работы. Известный стереотип «политика — дело грязное», широко распространенный среди населения и правящей «элиты», оправдывает полную политическую пассивность первого и безответственность, вседозволенность второй. Нужно найти способы возврата политике изначально присущего ей (со времен античности) ореола *славного публичного честного состязания сильных и талантливых личностей — подвижников и патриотов*.

Если же такой политики в сегодняшней России не просматривается, то не потому, что политика «всегда грязная» и не потому, что у России «особый путь», а потому, что нет условий для такой честной игры, в которой выращивались бы новые поколения ярких честных политиков.

«Демократия» — слово, трагически подпорченное разочарованиями 1990-х гг., но его придется возвращать в позитивный политический дискурс. Кивки на западное процветание уже не помогут. Главный ход — связать решение насущных проблем разных групп населения с необходимостью самоорганизации, повышения ответственности власти перед населением, утверждения независимых судов, расширения возможностей самоуправления, роста влияния граждан на законодательный процесс, что, собственно, вкуче и означает демократию.

Включение студенческой молодежи в гражданские и демократические практики. Окно возможностей для существенных демократических преобразований по разным оценкам откроется к концу 2010-х или даже 2030-х гг. Определять вектор развития страны будут нынешние студенты и школьники. Установки социального и политического поведения формируются в возрасте примерно 16-28 лет. Студенчество — главная целевая группа, поскольку это будущие специалисты, средний класс, лидеры во всех сферах общественной жизни. Обретенный в студенчестве опыт самоорганизации, участия в переговорах, политической деятельности непременно будет востребован и в будущей взрослой жизни.

Смягчение и модуляция надвигающегося системного кризиса. Кризис — не благо, а закономерная расплата за неэффективную авторитарную политику. Кризисные явления обнаруживаются как социальные проблемы. Кроме того, глобализация открывает возможности, которые не должны быть упущены. Слишком суровый кризис чреват насилием, беспорядками, что при любом исходе (сохранении или смене власти) приведет только к более жесткому авторитаризму (к снижению и качества конкуренции и масштаба участия, см. рис.1). Ленинский принцип «чем хуже, тем лучше» порочен не только нравственно, но и в смысле исторической динамики.

Власть в привычном режиме «пожаротушения» будет предпринимать усилия по преодолению кризиса, замораживанию «стабильности». Требуемая модуляция грядущего кризиса (предположительно с 2012-2015 гг.) состоит в *дискредитации авторитарно-принудительных подходов* (типа запретов на повышение цен и устрожение бюрократического контроля) в сочетании с предложением и продвижением *альтернативных демократических подходов* со ставкой на конкуренцию, создание новых коалиций и институтов, социальное партнерство, сотрудничество самостоятельных центров силы и т.д. Необходимо развитие практик горизонтальных переговоров и создания многосторонних и разноуровневых коалиций для решения проблем и реализации открывающихся возможностей.

Наконец, открывается обширное поле для новых идей и практик, направленных на *складывание условий для успешного прохождения развилок* (см. выше).

Итак, готовимся к стайерской дистанции, осознаем глубокую пропасть, отделяющую страну от реальной демократии, но не теряем надежды, меняем стереотипы поведения на гражданские, формируем коалиции для решения насущных проблем, тем самым подготавливая условия для позитивного прохождения будущих развилок, готовимся достойно встретить системный кризис и не упустить очередной исторический шанс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А. А. 2004. Вертикальный контракт неустойчив. — *Отечественные записки*. № 6.
2. Белоусов А. Р. 2005. Долгосрочные тренды российской экономики (Сценарии экономического развития России до 2020 года) <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1007&ids=117>
3. Гайдар Е. Т. 2006. Авторитарные режимы: причины нестабильности. — *Общественные науки и современность*. № 6.
4. Гельман В. Я. 2001. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории. — *Полис*. № 1.

5. *Гельман В. Я.* 2007. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе
6. *Гудков Л.* 2004. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002.
7. *Деягин М.Г.* 2005: Россия после Путина. М.
8. *Даль Р.* 2003. Демократия и ее критики. М.
9. *Дмитриев М.* 2007. Россия-2020: долгосрочные вызовы развития. Стенограмма лекции в клубе «Билингва». <http://www.polit.ru/lectures/2007/12/21/dmitriev.html>
10. *Дубин Б.* 2008. Культуры современной России. Стенограмма лекции в клубе «Билингва» <http://polit.ru/lectures/2008/01/31/culture.html>
11. *Дубовцев В. А., Розов Н. С.* 2007. Природа «русской власти»: от метафор — к концепции // *Полис*, №3. С.8-23.
12. *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.К.* 1993. Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе // *Международный журнал социальных наук*. №3. С.29-45.
13. Коалиции для будущего. 2007. СИГМА. М.
14. *Левада Ю.* 2006. Ищем человека. Социологические очерки 2000-2005.
15. *Липсет С., Сен К.-Р., Торрес Дж.* 1993. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии // *Международный журнал социальных наук*. №3. С.28.
16. *Локк Дж.* 1988. Соч. в трех томах. Т.3. М.
17. *Мельвиль А. Ю.* 1999. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М.
18. *Меркель В., Круассан А.* 2002. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // *Полис* № 1.
19. *Мизес Л.* 2001. Либерализм в классической традиции / Пер. с англ. А. В. Куряева. М.
20. *Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.* 1999. Русская Власть и Реформы. — Pro et Contra. Т. 4. № 4.
21. *Пишеворский А.* 2000. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.
22. *Розов Н. С.* 2006. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? — *Полис*. № 2.
23. *Рыженков С.И.* 2006. Динамика трансформации и перспективы российского политического режима // *Неприкосновенный запас*, №6(50).
24. *Шумпетер Й.* 1995. Капитализм, социализм и демократия. М.
25. *Яковенко И.* 2002. Дезинтеграция РФ: сценарии и перспективы // *Отечественные записки*, 6.
26. *Besley T., Kudamatsu M.* 2007. Making Autocracy Work. / *Development Economics Discussion Paper Series*. 48, May.

27. *Bueno de Mesquita, Bruce, Alastair Smith, Randolph M. Siverson, and James D. Morrow.* 2003. *The Logic of Political Survival.* Cambridge, MA: MIT Press,
28. *Collins R.* 1999. *Macrohistory: Essays in the Sociology of the Long Run.* Stanford Univ. Press,
29. *Lipset S. M.* 1959. *Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy.* *American Political Science Review* (№ 53).
30. *Przeworski A.* 1988. *Democracy as a Contingent Outcome of Conflicts.* In: J. Elster, R. Slagstad (eds.). *Constitutionalism and Democracy.* Cambridge, Cambridge University Press. P. 59-80.
31. *Rustow D.* 1970. *Transitions to Democracy: Toward a Dynamics Model // Comparative Politics, vol.2, №3, P.337-363.*
32. *Weingast B.* 1997. *The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law // American Political Science Review, vol.91, №2, P.245-263.*